

УДК 101.1:316

НАУКА, ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРЕКАРНОСТЬ ТРУДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Показано, что в условиях глобальной цифровой трансформации повсеместно усиливается процесс прекаризации трудовой деятельности, который затрагивает все сферы и профессии. В отношении занятых в науке прекаризация проявляется уже на этапе построения ранней научной карьеры (низкие зарплаты при высокой интенсивности трудовых затрат), что часто становится причиной эмиграции молодых научных кадров. В системе высшего образования рост учебной нагрузки, бумажной отчетности и чрезмерный контроль вызывают стресс у педагогов и снижают их удовлетворенность трудом. Эти обстоятельства повышают прекарность преподавательского труда, снижают его качество, а вместе с ним и качество получаемого молодежью образования. Отмечено, что низкая удовлетворенность трудом не компенсируется заработной платой, не стимулирует социально значимой ценностной мотивации и увеличения человеческого капитала работников.

Ключевые слова: прекаризация труда ученых и педагогов; цифровая трансформация; капитализм; глобализация; удовлетворенность трудом.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г26МС-006).

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Наука, высшее образование и прекарность труда в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2026;2:25–29.
EDN: RBEVXR

For citation:

Titarenko LG. Science, higher education and precarity of labour in modern society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;2:25–29. Russian.
EDN: RBEVXR

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

larissa@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-5729-1430>

SCIENCE, HIGHER EDUCATION AND PRECARIITY OF LABOUR IN MODERN SOCIETY

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It has been shown that, in the context of global digital transformation, the precarisation of labour is intensifying across the board, affecting all sectors and professions. In science, precarisation manifests itself in an early research career (low salaries combined with high labour intensity), which often serves as a catalyst for the emigration of young researchers. In higher education, increasing teaching loads, paperwork, and excessive oversight lead to stress and decreased job satisfaction among teachers. This increases the precariousness of teaching, reducing its quality, and, consequently, the quality of education received by young people. Low job satisfaction is not compensated for by wages, and it does not stimulate socially significant value-based motivation or the growth of workers' human capital.

Keywords: precarity of labour in science and higher education; digital transformation; capitalism; globalisation; work satisfaction.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Belarusian Republic Foundation for Fundamental Research (grant No. G26MS-006).

Введение

В процессе глобальной цифровой трансформации, сопровождающейся автоматизацией и роботизацией производственных процессов, повсеместно усиливается процесс прекаризации трудовой деятельности [1]. Иными словами, происходит массовый переход наемных работников к неустойчивым формам занятости, для которых характерны отсутствие социальных гарантий, высокая зависимость от работодателя или алгоритмов, которые создают некомфортные условия труда и повышают уровень стресса наемных работников независимо от сферы их занятости [2; 3]. Термин «прекариат» был введен британским экономистом Г. Стэндингом, определившим прекариат как опасный класс капиталистического общества, который становится новым эксплуатируемым классом, продающим свою рабочую силу ради выживания и лишенным уверенности в будущем [4]. В наибольшей степени прекаризация проявляется в сферах производственного труда, причем как в развитых странах Европы, так и развивающихся странах Азии [5; 6], где быстро увеличилось количество социальных групп, лишенных постоянной работы, не получающих социальных льгот и защиты интересов на институциональном уровне. В исследованиях была выявлена связь между прекарностью труда и самооценкой удовлетворенности трудом, которая свидетельствует о росте негативных тенденций в трудовой сфере.

Прекаризация труда имеет место везде, где существуют капиталистические отношения, поскольку ориентация на прибыль заставляет работодателей не считаться с интересами наемных работников. Исследования, проводимые в России, выявили прекаризацию не только труда, но и образа жизни работаю-

щего населения [7]. Труд наемных работников все реже приносит им удовлетворенность жизнью, поскольку ни заработная плата, ни условия труда не отвечают потребностям в творческом развитии личности и не дают даже возможности удовлетворять основные человеческие потребности, поскольку этот труд забирает слишком много времени и сил. Не случайно уже почти два десятилетия назад исследователи ставили вопрос, живут ли люди для того, чтобы работать и просто выживать, или работают, чтобы жить? [8] Судя по результатам российских опросов, «можно утверждать о появлении и распространении нового социального феномена – прекаризации жизни» [9, с. 91].

Цель статьи – на основе анализа отечественных и зарубежных публикаций выделить тенденции прекаризации труда, отражающие происходящие изменения, и показать, что эти тенденции в настоящее время характерны для работников умственного труда таких интеллектуальных сфер, как наука и высшее образование. Поскольку эта социальная группа в основном представлена российской (или постсоветской) интеллигенцией, современное состояние прекарности их труда ставит проблему существенных изменений интеллигенции (ее превращения в одну из многих социальных групп наемных работников). Считается, что интеллигенция своей профессиональной интеллектуальной деятельностью в науке, образовании, искусстве и других сферах создает, воспроизводит и развивает культурные ценности, способствуя просвещению общества. Попытаемся определить, насколько ей присущи характеристики прекариата и правомерен ли такой исследовательский вопрос вообще.

Становятся ли работники науки прекариями?

Для поиска ответа на поставленный вопрос обратимся к упомянутому многолетнему исследованию жизненного мира работающего населения России, проводившемуся почти десятилетие под научным руководством Ж. Т. Тощенко. В обобщающей эти исследования монографии глава, посвященная ученым, предельно логична и хорошо аргументирована. Авторы пишут, что современные условия научного труда не являются творческими, они не способствуют развитию научных работников [9, с. 247]. Продукты их труда принадлежат не самим ученым, а государству или собственнику научной фирмы, они отчуждаются, а «ученый превращается в пролетария» [9, с. 249]. Сами научные работники все чаще оценивают свой труд главным образом как источник средств существования. В российском рыночном обществе наука стала сферой услуг, а ученые потеряли свой прежний привилегированный статус. В отношении ученых делается вывод о том, что они трансформировались в «новый тип пролетариата», потеряли не только право на произведенные ими продукты, но и «право на труд, отчуждаемый вместе с научным продуктом» [9, с. 260]. Исследование подтвердило, что в эпоху капитализма и цифровой трансформации общества профессии, которые ранее считались интеллектуальными, приблизились по условиям труда к профессиям наемных работников.

Сходный вывод в отношении США и других развитых стран Запада был сделан еще в конце XX в. американским социологом Дж. Ритцером. В рамках концепции макдональдизации общества Дж. Ритцер утверждал, что все основные сферы деятельности стали функционировать как рестораны быстрого питания сети «Макдональдс», что резко снизило социальный статус профессий, требующих высшего образования и креативности, повысило неудовлетворенность трудом и стало еще одним свидетельством роста отчуждения работников в условиях кризиса либеральной экономики [10]. В современных международных обзорах развития науки фиксируется системный характер проблемы академической прекарности, решать которую нужно посредством институциональных изменений в управлении наукой, реформирования системы финансирования, критериев оценки результативности и политики благополучия исследователей [11]. Исследования фиксируют, что молодые ученые также подвергаются эксплуатации и ощущают прекарность и своего труда, и социального положения в науке [11]. Более того, прослеживается негативное влияние стрессогенного положения молодых ученых на их здоровье и на прогнозы будущей продуктивности карьеры [12]. Актуализируется проблема удержа-

ния молодых кадров в науке, решение которой в зарубежных странах ученые связывают с необходимостью снизить жесткий надзор за аспирантами и молодыми кандидатами, дать им четкие перспективы роста, создать условия для повышения удовлетворенностью трудом [13]. В российской науке уже давно отмечается значимость создания новых механизмов закрепления молодежи в науке [14], что требует улучшения не только экономических, но и социальных и институциональных условий [15].

В сфере науки двойственность цифровой трансформации проявляется в том, что, с одной стороны, цифровизация и инновационные технологии расширяют возможности научной коммуникации молодых ученых, с другой стороны, они усиливают риски цифрового неравенства и нестабильности жизненных стратегий. Очевидно, что наука не сможет в полной мере выполнять свои креативные инновационные функции в современном обществе, если труд большинства ученых будет прекарным. В условиях глобальной цифровизации лучше работают позитивные стимулы труда (ценности развития), нежели мобилизационные стимулы (ценности выживания). Если ученые не ощущают весомой институциональной поддержки, они задумываются о миграции или покидают сферу науки, чтобы заняться бизнесом. В российско-белорусском исследовании научной продуктивности и миграции научных кадров посредством применения библиометрического подхода было выявлено, что в период с 2008 по 2019 г. масштабной миграции не было, но в России наблюдались циркуляционная и безвозвратная миграция части научных кадров, а в Беларуси происходила маятниковая миграция, которую отметили более трети всех обследованных ученых [16, с. 197], при этом величина диаспоры (безвозвратная миграция) лишь немногим превышала 10 %.

Миграция научных кадров является одним из доказательств неудовлетворенности ученых с высоким потенциалом условиями работы и жизни, а также индикатором их надежд найти лучшее место. В развитых западных странах заработная плата ученых в 3–4 раза выше, чем в России. Однако на каждое место необходимо пройти по конкурсу, который не менее жесткий, чем дома. Исключением являются приглашенные ученые, но приглашение дается на конкретный срок и редко продлевается. Большинство мигрантов игнорируют тот факт, что хорошо устроиться в новой стране надолго нелегко, если только ты не ученый с мировым именем. В связи с этим за рубежом они остаются на позициях, близких к прекарным (с учетом особенностей страны-реципиента).

Высшее образование

Работники учреждений высшего образования в постсоветской реальности также превратились из ранее привилегированной социальной группы в одну из многих групп precarious труда. В упомянутой работе о precariousности жизненного мира россиян отмечается, что современная сфера высшего образования ориентирована на формирование инструментальных ценностей и достижение соответствующих целей, т. е. она сблизилась со сферой обслуживания [9, с. 223]. В такой ситуации ухудшилось и положение занятых в ней специалистов. Например, получая среднюю по стране заработную плату, белорусские преподаватели вынуждены выполнять нагрузку, значительно превышающую нормы, существовавшие в советское время. Ухудшение базовых условий труда этой группы произошло постепенно, так что ее престиж для лиц, далеких от сферы высшего образования, еще сохраняется. Однако сами педагоги этого не ощущают, поскольку их деятельность строго контролируется и регламентируется, а пребывание в должности связано с регулярным прохождением конкурса на замещение якобы существующей вакансии, причем требования постоянно возрастают. В престижных учреждениях высшего образования России профессор, кроме выполнения учебной нагрузки, обязан иметь научные гранты и публикации в высокорейтинговых журналах, индексируемых в базах данных Scopus, Web of Science и RSCI, не получая за эти статьи дополнительной платы. В белорусских учреждениях высшего образования действует сходная система конкурсов: после прохождения конкурса преподавателю предлагают подписать контракт, который может быть даже на один год. Такой порядок провоцирует стресс и фрустрацию у педагогов, заставляет тратить время на подготовку документов, которые в принципе уже имеются у администрации в форме годовых отчетов. Рост бюрократизации сферы образования был метко назван бюрократологией и детально описан в ряде российских публикаций [17]. Любые замечания администрации могут привести к разрыву контракта, хотя желающих работать в высшей школе не так много.

Нельзя не отметить, что положение преподавателей в университетах так называемого Глобального Севера также ухудшилось. Как отмечают исследователи, все больше преподавателей получают при приеме на работу временные позиции ассистентов или внештатных преподавателей, причем их пропорции по разным странам варьируются от 16 до 70 %. Такой подход, увеличивающий precariousность труда педагогов, позволяет учебным заведениям экономить на их заработной плате и не предоставлять социальных гарантий [18]. Обычно только профессура имеет

постоянные должности в штате университета. В связи с этим постоянная гарантированная работа для многих преподавателей становится иллюзией [19].

В России за последние 10 лет при росте числа студентов¹ количество ставок в учреждениях высшего образования сократилось почти в 2 раза. В Беларуси за 15 лет число студентов уменьшилось почти в 2 раза, поскольку было закрыто заочное обучение, резко сократился набор на платное обучение. Число ставок тоже сократилось. Многие преподаватели работают в двух местах, чтобы повысить доход. Как и в других сферах, усталость от переработок больше влияет на старшую возрастную группу преподавателей: наиболее легко сверхурочный труд способны выдерживать молодые работники с высоким потенциалом здоровья, в то время как возрастные работники стремятся к соблюдению баланса относительно времени труда и отдыха. Не случайно в СССР нагрузка снижалась вместе с повышением статуса: у профессора она была значительно меньше, чем у молодого ассистента. Такой же подход практиковался в зарубежных развитых странах: чем выше квалификация, тем меньше аудиторной нагрузки; акцент делался на индивидуальной работе с перспективными студентами и аспирантами. Всеобщая «уравниловка» создала фордистские условия труда для преподавателей старшего возраста. Отказ от дифференциации труда преподавателей в зависимости от результатов (количество публикаций) и научного статуса привел к тем же результатам, что и в науке (прекаризация, уравнивание интеллигенции в ее социальной позиции с другими эксплуатируемыми группами наемного труда).

Молодые преподаватели, не имеющие достаточного опыта, по приходе в университет также испытывают проблемы: они остро нуждаются в методической и персональной помощи со стороны более опытных педагогов. Система наставничества в высшем образовании, к сожалению, пока не укоренена на постоянной основе, хотя ее использование дает хорошие результаты [20].

Ситуация прекаризации труда не меняется в условиях роста его цифровизации. Как отмечает Дж. Ритцер [21], просто прибавились новые возможности цифрового контроля, возникли формы непрямого манипулирования поведением преподавателей, не способствующие росту качества труда и удовлетворенности им.

Precariousность труда работников университетов растет от усложнения работы с современным поколением студентов – зумерами, которые имеют «на входе» в учреждение высшего образования более низкие учебные показатели, чем миллениалы, или поколение Y. Этот процесс, связанный с марке-

¹Количество студентов российских вузов увеличилось за год более чем на двести тысяч // Дем.информ : сайт. URL: <https://deminform.ru/news/kolichestvo-studentov-rossiyskikh-vuzov-uvlechilos-za-god-bolee-chem-na-dvesti-tysyach> (дата обращения: 26.01.2026)

тизацией высшего образования, является глобальным и затрагивает все университеты. Как отмечает редактор издания *Times Higher Education* британец

К. Хавергал, сегодня абитуриенты все чаще имеют квалификацию «от низкой до никакой»² (перевод наш. – Л. Т.).

Заключение

Человеческий капитал, накопленный социальными группами творческого умственного труда, является ключевым ресурсом для перехода к экономике, основанной на знаниях. Общество должно заботиться о приумножении этого капитала, воплощенного в труде квалифицированных специалистов. Однако вместе с глобальной трансформацией мира изменился и характер труда лиц, прежде считавших свой труд привилегированным. Преподаватели и ученые,

как массовые слои наемных работников, подверглись прекаризации, лишившись возможности считать свой труд творческим. Глобальная рыночная конкуренция оказалась слишком жесткой, а интересы прибыли – более важными, чем забота об удовлетворенности наемных работников трудом. Формируется новая глобальная и региональная «нормальность», которая далека от утопий общества, где труд каждого может быть общественно полезен и достойно оценен.

Библиографические ссылки

1. Acemoglu D, Autor D. Skills, tasks and technologies: implications for employment and earnings. In: Ashenfelter O, Card D, editors. *Handbook of labor economics. Volume 4B*. Amsterdam: Elsevier; 2011. p. 1043–1171. DOI: 10.1016/S0169-7218(11)02410-5.
2. Козина ИМ, Серёжкина ЕВ. Производственные факторы стресса в работе российских и французских IT-специалистов. *Социологические исследования*. 2019;5:26–35. DOI: 10.31857/S013216250004950-8.
3. Glavin P, Schieman S. Dependency and hardship in the gig economy: the mental health consequences of platform work. *Socius*. 2022;8:1–13. DOI: 10.1177/23780231221082414.
4. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. Усова Н, переводчик. Москва: Ад маргинем пресс; 2014. 328 с.
5. Kalleberg AL, Hewison K, Shin K-Y. *Precarious Asia: global capitalism and work in Japan, South Korea, and Indonesia*. Redwood City: Stanford University Press; 2022. 248 p. DOI: 10.1515/9781503629837.
6. Lee C. China's precariat. *Globalizations*. 2019;16(2):137–154. DOI: 10.1080/14747731.2018.1479015.
7. Тощенко ЖТ, редактор. *От прекарной занятости к прекаризации жизни*. Москва: Весь мир; 2022. 364 с.
8. Burke RJ. Working to live or living to work: should individuals and organizations care? *Journal of Business Ethics*. 2009; 84(2):167–172. DOI: 10.1007/s10551-008-9703-6.
9. Тощенко ЖТ, редактор. *Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность*. Москва: Весь мир; 2024. 462 с.
10. Ritzer G. *McDonaldization of society*. London: Pine Forge Press; 1993. 221 p.
11. *Reducing the precarity of academic research careers*. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development; 2021. 68 p. (OECD science, technology and industry policy papers; no. 113). DOI: 10.1787/0f8bd468-en.
12. Cilli E, Ranieri J, Guerra F, Di Giacomo D. Early career researchers and mental health: observational study of challenge and wellbeing. *Health Science Reports*. 2023;6(11):e1649. DOI: 10.1002/hsr2.1649.
13. van der Weijden I, Teelken C. Precarious careers: postdoctoral researchers and wellbeing at work. *Studies in Higher Education*. 2023;48(10):1595–1607. DOI: 10.1080/03075079.2023.2253833
14. Денисенко МБ, Мкртчян НВ. Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России. *Демоскоп Weekly*. 2022, 951–952:21–40. EDN: UIDYFI.
15. Кадышева ОВ. Тенденции и закономерности процессов международной миграции в эпоху глобализации. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2016;5:203–212. EDN: WVOVFB.
16. Пушкевич СА, Юревич МА. Миграционные паттерны научных кадров в Беларуси и России. *Управление наукой: теория и практика*. 2020;2(4):188–203. DOI: 10.19181/smtpr.2020.2.4.8.
17. Осипов АМ. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюрократизации. *Вестник Института социологии*. 2023;14(2):15–33. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2.
18. Crutchley J, Nahaboo Z, Rao N. Precarious academic citizens: early career teachers' experiences and implications for the academy. *Teaching in Higher Education*. 2024;29(3):789–809. DOI: 10.1080/13562517.2023.2298822.
19. Kahn P, Moreau M-P, Gagnon J. Precarity and illusions of certainty in higher education teaching. *Teaching in Higher Education*. 2024;29(3):699–706. DOI: 10.1080/13562517.2024.2326403.
20. Амбарова ПА. Научное наставничество в высшем образовании: коммуникативный подход к интерпретации. *Социологические исследования*. 2025;2:40–51. DOI: 10.7868/S3034601025020044.
21. Ritzer G. *McDonaldization of society: into the digital age*. Thousand Oaks: Sage; 2020. 232 p.

Статья поступила в редколлегия 22.03.2026.
Received by editorial board 22.03.2026.

²Empowering global higher education // Times Higher Education : website. URL: <https://newsletters@timeshighereducation.com> (date of access: 18.03.2026).